

тиража книг Скорины и их сравнительную редкость, печальную судьбу его шрифтов и т. д. Но надо ли говорить, что все это лишь смелые допущения, для которых акт 1552 г. едва ли дает достаточно оснований.

Трудно было бы последовать за С. Брагой и в его соображениях о судьбе самого Скорины. Акт 1552 г. все же не приводит имени похавшего в Москву издателя. Нужно ли непременно предполагать, что это был сам Фр. Скорина? Нельзя ли допустить, что по его поручению в Москву ездил — может быть, и для предварительных переговоров — кто-либо из его сотрудников или сотоварищей по издательству? Необходимо напомнить, что во второй половине 20-х годов в Москве был виленский обыватель Борис Онков, финансировавший в 1517 г. и позднее пражские издания Скорины. Онков вел финансовые дела с некоторыми московскими боярами и князьями. Не мог ли он одновременно налаживать в Москве и какие-либо отношения в связи со своим участием в издательском деле Скорины? И не мог ли он быть тем польско-литовским гражданином, которого имел в виду в своем акте Сигизмунд-Август? Во всяком случае для категорического утверждения о личной поездке Скорины в Москву в 1525 и следующих годах наш акт все же надежным основанием быть не может. Не называя в акте имени Скорины, автор его мог иметь в виду поездку в Москву не лично доктора Скорины, но вообще представителя его издательского дела.

В связи с этим нужно сказать, что С. Брага вносит едва ли не слишком много динамичности и даже драматичности в эту историю столкновения Скорины с Москвой. Он допускает, что Скорину охранило от жестокой расправы с ним лично лишь то, что на него мог быть распространен подписанный в 1523 г. между Литвой и Москвой договор о перемирии — с оговоркой о взаимной охране свободы приезда и отъезда купцов. Но ведь поездка Скорины — в понимании самого С. Браги — далеко выходила за рамки торговых сделок и касалась совершенно иных обстоятельств, весьма остро затрагивавших не торговые отношения, но область веры и идеологии. При этом, безусловно, Скорина или его представители действительно столкнулись в Москве с резкой и острой враждой и сопротивлением. Это положение в общей конструкции С. Браги несомненно заслуживает полного учета и внимания, хотя нам и представляется, что он несколько излишне идеализирует якобы привычную для Скорины обстановку культурно-национального равновесия и веротерпимости в Литве. Думается, что С. Брага едва ли прав и в утверждении, что Скорина неожиданно для себя столкнулся в Москве с совершенно иной обстановкой, полной догматизма, вероисповедного недоверия и т. д. На Литве, конечно, хорошо тогда знали, как в Москве относились ко всем проявлениям западноевропейских культурных веяний, осложненных, с точки зрения московского правоверия, латинством и вольномыслием.

Надо положительно оценить, однако, те общие наблюдения С. Браги, которые касаются этого конфликта Скорины в Москве. Он правильно связывает этот эпизод и с историей преследования Максима Грека (как раз в 1529 г. и позднее), и с реакционной деятельностью митрополита Даниила и т. д. Для Москвы в книгах Скорины бросались в глаза и языковые особенности текстов, а как раз в это время особенно придирчиво относились к каждому исправлению традиционного чтения священных книг. Для Москвы могло быть чуждым и неприемлемым — до поры до времени — и самое оформление библейских книг в издании Скорины — с иллюстрациями необычного для московских читателей характера.

При всем том было бы ошибочно утверждать, что книги Скорины были в Москве неизвестны или не использованы. К сожалению, мы не имеем